

ШАВРИНА ЧУТЬ НЕ СТАЛА ЛЮБИМОЙ ЖЕНОЙ ШЕЙХА

Алла Пугачева как-то призналась в интервью Урмасу Отту, что всех ее гонораров хватает разве что на хлеб. У ее однокурсницы по ГИТИСу Екатерины Шавриной, чьи артистические гонорары сильно разнятся с примадоннскими, ситуация кардинально противоположная: помимо неизбежных затрат на хлеб, масло, икру и осетров, которыми она охотно потчует своих гостей, у нее еще остаются средства на содержание роскошного загородного особняка с каминным залом, зимним садом, бассейном, баней, джакузи, спальнями да еще псом — голубым мастино — в придачу. Она не любит приbedняться — не в ее характере.

— Я уверена, сегодня каждый может зарабатывать, если захочет. Хватит плакаться. Мне жаль только пенсионеров, живущих на гроши. На Западе, кстати, деньги тоже с неба не сыплются: там у людей сызмальства привычка вкалывать, а не в постели валяться. Если я тружусь как пчелка, от зари до зари, то и живу соответственно. Мой график гастролей расписан на полгода вперед. Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь...

— Спасибо. Значит, на хлеб, и не только, вы уже заработали?

— Еще бы! А знаете, что этот дом я строила более семи лет? всю жизнь работала как лошадь, копила деньги: ни от каких концертов не отказывалась. Чем только

не занималась! Руководила даже хором на одном московском заводе, зато мечту свою осуществила. Если я остановлюсь в работе, обедом кормить меня придется уже вам...

— Кстати, о вашей работе. Вы заметили, что новые усложненные композиции воспринимаются публикой на концертах гораздо прохладнее, чем ваши старенькие хиты?..

— Да, слушатель еще не очень готов к музыкальным новациям, что тут спорить. Когда я чувствую, что зал немножко приуныл, то произвольно завожусь: у меня всегда наготове букет из знакомых зрителю песен и частушек. Точнее, наверное, залп, фейерверк.

— Вот то-то и оно...

— Да просто это мое от природы, что называ-

ТЕТ-А-ТЕТ

ется, прет изнутри. И это не кураж, не показная удаль. Я вся словно пре-ображаюсь: пою-то ведь с детства. В 14 лет уже была солисткой Прикамского народного хора.

— В этом же возрасте, насколько я знаю, вы пошли работать...

— Нужда заставила. Дело в том, что у нас рано умерли родители и на моей шее оказались пять сестер и брат. Их надо было содержать, и я пошла уборщицей в пермский Дворец культуры. Мне и возраста немного прибавили — детям тог-

да работать запреща-лось, с этим было стро-го. В 16 лет поступила в Государственный Волж-ский народный хор в Куйбышеве. В общем, в профессию вошла до-вольно рано. И это при том, что родилась-то я глухонемой.

«ВСЕГДА МЕЧТАЛА О БОЛЬШОМ ДОМЕ И БОЛЬНОЙ СОБАКЕ В НЕМ»

ШАВРИНА — СВОЕМУ ЧЕТВЕРОНОГООМУ ЛЮБИМЦУ: «ХОТЬ ТЫ И ГОЛУБЫХ КРОВЕЙ НЕ ВАЖНИЧАЙ, ПОЖАЛУИСТА, И НЕ РЕВНУЙ МЕНЯ К КОШКЕ»

КАТЯ ШАВРИНА — ВНУЧАТОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ: «ЖАННА, ПОЖАЛУЙ, ПРИШЛА ПОРА КУПИТЬ ТЕБЕ ЛОШАДКУ»

— ?!

— Почти до четырех лет я ничего не могла говорить, а родители поздно поняли, в чем дело. Мне нужна была серьезная операция, а на нее — большие деньги. Мы жили в поселке Пышма Свердловской области. Родители, естественно, держали свое хозяйство, и, чтобы добыть средства, им пришлось продать корову, живность... Но старичок-профессор, делавший операцию, денег не взял. И что вы думаете? Говорить и петь я начала одновременно.

— Чуть ли не по Райкину...

— Не совсем, поскольку пить и курить так и не научилась. Зато пела так громко, что соседи стучали в стенку моей маме: «Феня, заткни ей рот, оглохнуть можно!» Правда, и жили мы тогда в дощатых бараках...

— Но если в детстве вы не давали покоя соседям, то много позже тревожили души видных политических деятелей. Пом-

нится, Фидель Кастро за-катывал в вашу честь банкеты и, стоя на коленях, целовал руки. А вот что за тайная история произошла с вами лет десять назад в Африке?

— Я была в гастрольном туре по странам Ближнего Востока и Африки, и в меня страстно влюбился один шейх. Ну так влюбился, что никакого сладу. Устраивал пышные приемы, делал дорогие подарки. И наконец официально потребовал меня в свой гарем. Его стали увещевать, мол, это советская певица, она спешит, у нее много деловых встреч, поездок... А он — ни в какую: «Хочу Катрин (так он меня называл) — и все».

У нас тогда не принято было портить отношения со странами третьего мира, поэтому отшить этого шейха в открытую мы не могли. Выручили сотрудники нашего посольства — они отправили меня в следующий пункт нашего тура —

Замбию — раньше всей группы.

— Катя, а вы сами способны влюбиться безоглядно?

— Как вам сказать... Мои родители были староверами, поэтому не признавали никаких внебрачных связей. Есть муж — значит, по сторонам не глазей. Это воспитание до сих пор дает о себе знать.

— Первым вашим мужем был известный композитор Григорий Пономаренко...

— Это был удивительный человек. Я ему многим обязана как артистка — он написал первые мои песни, такие, как «Нарьян-Мар», «Тополя», вывел на сцену, да и просто открыл меня, пробудил индивидуальность.

— Сегодня рядом с вами, на мой взгляд, не менее притягательная личность — известный композитор и продюсер Виталий О कोरोков...

— Ой, не перехвалите. Пока я стою над Витали-

ком, он куда-то звонит, что-то пробивает, а так бы, наверное, с места не сдвинулся. Но композитор он, конечно, от Бога — мощный, даровитый. Кстати, Окорочков пишет не только песни, но и симфонии, оперы, у него блестящее музыкальное образование — окончил Саратовскую консерваторию, стажировался потом в Москве у Тихона Хренникова.

— Одна из ваших дочерей, я знаю, хочет стать хирургом-косметологом. Иметь домашнего врача именно такого профиля, наверное, ваша давняя мечта?

— Да нет, мне совсем ни к чему скрывать свой возраст и как-то искусст-

венно омолаживаться. Просто я всю жизнь активно занималась спортом, поэтому на концертах легко могу позволить себе и лихо отплясывать, и без усталости кружиться по сцене и залу. Я даже умею стоять на голове, ходить на руках, садиться на шпагат. Хотите, покажу?

— *Быть не может!*

— А что, запросто, я не из робких...

— *Да вы, я вижу, так и рветесь в бой. Можно себе представить, как вы, наверное, любили в юности разного рода конкурсы, соревнования?*

— Спортивные — да. У меня первый юношеский разряд по лыжам и второй — по бегу на коньках. Что же касается

творческих конкурсов, песенных, то их я не любила никогда. Дело в том, что на меня в ответственные моменты всегда находит такое волнение, такая дрожь, что хочется сквозь землю провалиться. И постоянно что-то случается. Вот недавно выступала на юбилее у Юдашкина и перед выходом решила реснички приклеить. Что со мной было! Все лицо пятнами пошло, хоть со сцены беги — аллергия. Что было делать? Я начала танцевать и вертеться как волчок. Поэтому никто ничего не заметил.

— *Вы и по дому как-то очень легко и плавно передвигаетесь, словно летаете...*

ВОЗЛЕ КАМИНА КАТЯ ШАВРИНА ЛЮБИТ ПОМЕЧАТЬ ОБ АФРИКЕ

ТРИ СЕСТРЫ. СЛЕВА — РАДА, В ЦЕНТРЕ — КАТЯ, СПРАВА — ТАНЯ

ЕКАТЕРИНА ШАВРИНА — СЫНУ: «ГРИША, АРТИСТОМ, КОНЕЧНО, БЫТЬ ХОРОШО. НО ЕЩЕ ЛУЧШЕ, ЧТО ТЫ ИМ НЕ СТАЛ. БИЗНЕС — ТОЖЕ ДЕЛО ХОРОШЕЕ»

ВНУЧАТАЯ ПЛЕМЯННИЦА ЖАННА:
«НЕУЖЕЛИ, ТЕТЯ КАТЯ, ТЫ БЫЛА В АФРИКЕ?
ТАМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВОДЯТСЯ АКУЛЫ, ГОРИЛЛЫ
И ЗЛЫЕ КРОКОДИЛЫ?»
ШАВРИНА: «И ЕЩЕ КОВАРНЫЕ ШЕЙХИ»

— А вы как хотели? Когда я впервые приехала в Москву — а было это лет 35 назад, — то снимала квартиру у известных цирковых артистов Павла и Флоры Черных. Была я провинциальной уральской девчушкой — угловатой, грубоватой, походка моя была тяжелой, шумной. В общем, топала по квартире, как слон.

Хозяйка мне объяснила, что любая девушка должна ходить изящно, плавно, грациозно, и стала меня обучать красивой ходьбе. Я начала следить за собой, за своими движениями и уже через год превратилась в настоящую лебедушку.